

Возвращение Василия Бортникова

Василия Бортникова никто не ждал.

В полночь, когда за окнами разбушевалась вьюга, кто-то по-хозяйски, нетерпеливо постучал в дверь. И вот вместе с морозной стужей, вместе с порывами ветра в комнату ворвался большой, широкоплечий, шумный человек во фронтальном по-душубке.

Так вернулся Бортников в родной дом, где его не ждали, где уже несколько лет считали его погибшим. С момента его внезапного возвращения, с момента появления на сцене Бортникова завязывается драматический узел спектакля «Высокая волна», поставленного режиссером В. Дюховским в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина.

Бортников занял центральное место в спектакле — о нем, о трудностях, которые приходится ему преодолевать, о сложных обстоятельствах его личной жизни, о перековке его характера повествует пьеса Г. Николаевой и С. Радзинского, написанная по мотивам романа «Жатва». И уже в первом действии становится очевидным, что «Высокая волна» — не привычная инсценировка, не иллюстрация к роману, а оригинальное драматическое произведение. Здесь, рядом с Авдотьей и Василием, образами, как бы выхваченными из романа, рядом с секретарем райкома Борисом Петровичем Чекановым, во многом напомнившим нам Андрея Стрельцова из «Жатвы», появились новые имена, новые лица.

Вводя новые персонажи, кое в чем изменяя характеристики и биографии уже известных нам по роману людей, по существу, делая заявку на новое, самостоятельное произведение, авторы тем самым отсекают возможные по их адресу упреки в неполном перенесении на сцену всех событий, всех сюжетных линий «Жатвы».

Закономерен этот путь. Закономерен и выбор центрального действующего лица, обусловивший целевую направленность, композиционное решение «Высокой волны». Все, что происходит в пьесе, имеет прямое, непосредственное отношение к основной теме — судьбе председателя колхоза «Первое Мая» Василия Бортникова.

И, пожалуй, трудно назвать другое произведение в драматургии последних лет, где бы в таком единстве решались вопросы личной и трудовой жизни героя, где бы характер действующего лица, своеобразие его духовного облика, его ошибок и заблуждений так полно отразились и на этике его

♦
„Высокая волна“
 в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина

♦
 работы и на взаимоотношениях с близкими.

Еще до того, как происходит наша встреча с Бортниковым — В. Меркурьевым, мы знакомимся с ним заочно.

В уютно прибранной комнате, куда едва доносится приглушенный шум метели, идет тихий, задушевный разговор. Вполголоса рассказывает соседке Авдотья о том, как она впервые встретила Василия, как сложилась их совместная жизнь.

«Помню, стоит он на тракторе... красное знамя над ним плещется. И глаза у него далекие, далекие... Что мне в нем открылось тогда, сама не знаю. Только сразу я его полюбила. Чего я ждала, сама не объясню, только думала — пойдем мы с ним по той дальней дороге, какую он видел. А случилось у нас иначе... Характер у него для дела веселый был, а для дома суровый... Не то чтобы ссорились мы, а не было промеж нас обоюдного разговора...»

В негромких словах Авдотьи, сказанных скорее для себя самой, чем для внимательно слушающей ее бабушки Прасковьи, нет ни обиды, ни горечи. Она вспомнила о Василии, как о хорошем, настоящем человеке, но чувство справедливости, чувство личного достоинства не позволило ей умолчать о причине, помешавшей их счастью.

И когда неожиданно возвращается Василий, когда наутро, не посчитавшись с женой, он единолично решает судьбу семьи, когда окриком и приказом пробует поднять на работу людей, вспоминаются слова Авдотьи об «обоюдном разговоре».

Да, именно обоюдного разговора, внимательного, чуткого отношения к людям не хватало Бортникову. Отсюда — его неверные шаги как руководителя, отсюда — и неустроенность его личной жизни.

У Бортникова — В. Меркурьева большое, широкое, уже немолодое лицо, добрые глаза. Видно, что по природе своей он человек мягкий, покладистый, любящий пошутить. И тем более нарочито звучат в его устах резкие слова, окрик. Подчеркнуто суровый тон, стремительность движений, ожесто-

ченность, грубоватость характеризуют Бортникова — Меркурьева в начальных картинах спектакля. За всем этим угадываются горячая любовь к делу, желание всеми силами вытянуть колхоз из числа отстающих и вместе с тем — неумение найти контакт с людьми, просто, по-настоящему поделиться с ними своими замыслами, воодушевить их.

Разбушевавшийся Василий порой доходит до таких крайностей, что образ, созданный актером, начинает восприниматься как комедийный. Вместе с теми из героев спектакля, кто понял корень ошибок Бортникова, мы смеемся над ним, смеемся дружелюбно, не сомневаясь в его честности, преданности делу.

Ведут борьбу за Василия, помогают ему понять его неправоту секретарь райкома партии Чеканов, партийная организация

Сцена из спектакля «Высокая волна». Слева направо: Наталия Дубко — артистка Л. Штыкан, Василий Бортников — артист В. Меркурьев, Чеканов — артист А. Борисов. Фото Д. Мовшина.

колхоза, Авдотья, коллектив. Да и он сам идет навстречу этой помощи. Поэтому так органичны перемены, совершающиеся в нем на протяжении спектакля, так радуется улыбка на его лице, сменявшая выражение угрюмости и недоверия.

При несомненной удаче образа Бортникова в спектакле есть сцены, где актеру в какой-то степени изменяет чувство правды. Мы говорим о начальной картине спектакля — возвращении Бортникова домой и первой встрече его с Авдотьей, где вместо мужественности, простоты в выражении радости и быстро сменившего ее несчастья у актера появляются выпренность, сентиментальность, столь не свойственные характеру его героя. Это тем более заметно, что первое действие — лучшее в спектакле «Высокая волна» и по режиссерскому решению, и по глубине раскрытия, яркости воплощения образов Авдотьи Тихоновны и Чеканова.

Образ секретаря райкома партии Чеканова в исполнении А. Борисова — не просто удачная работа артиста: это большая победа театра.

Мы видели впервые Чеканова — Борисова, коренастого, подвижного человека с открытым лицом, умными смеющимися глазами, за письменным столом в его кабинете. В окнах — синева зимнего утра. Чеканов говорит по телефону, разговор — деловой, но нет в нем официальности! Живые, человеческие интонации, доходящие до сердца каждого, вдруг промелькнувшая озорная, мальчишеская улыбка по адресу того, с кем идет разговор, — и нам уже многое становится понятным в этом человеке, умеющем радостно, увлеченно делать обычные, будничные дела.

Со многими людьми встречается Чеканов — Борисов в спектакле, и каждый раз мы с интересом

следим за тем, как бережно подбирает он ключ к душе собеседника, как пытается разгадать ход его мыслей, подсказать, помочь, поддержать. Это — настоящий большевик, талантливый руководитель и воспитатель; человек, увлеченный своим делом, любящий людей, верящий в них.

Образ Авдотьи в силу общего замысла пьесы «Высокая волна», посвященной Бортникову, несколько отодвинулся в спектакле на второй план. Но даже это не помешало актрисе О. Лебзак. Ее Авдотья при каждом появлении, при каждом минутном пребывании на сцене покоится простотой, безыскусственностью, духовным богатством, красотой и незаурядностью натуры.

Невысокая, хрупкая, с большими светлыми глазами, с выбившимися из-под косынки завитками волос, она оказывается нарядкостью сильной, мужественной и терпеливой. Авдотье не нужно формальное семейное благополучие, радующее лишь посторонний глаз. Борясь за Василия, пробуя переломить его характер, она добивается настоящего счастья, основанного на доверии и дружбе.

Богатство внутреннего мира, ум и духовную красоту русской женщины, ее требовательность в понимании счастья раскрывает актриса в образе Авдотьи Бортниковой. Мы видим также, как все увереннее и смелее становится ее героиня, приобретающая знания, расширяя свой кругозор. И это тем более радостно, что специальных сцен, где рассказывалось бы о поездке Авдотьи учиться, о ее работе на ферме, в спектакле нет. Актриса восполняет существенный пробел пьесы, несколько сузившей тему Авдотьи, раскрывающей ее преимущественно в плане взаимоотношений с Василием. Существенно, что этот недостаток «Высокой волны» сказывается не в обеднении сценического портрета героини (повторяем, — он в пределах возможного дорисован актрисой), а в том чувстве несправедливости и досады, которое испытывает зритель, напрасно прождав, что вот-вот авторы введут его в круг авдотьиных интересов, шире и полнее покажут ее жизнь. И в то же время авторы наши возможным уделить много внимания довольно однообразным спорам инженера Наталии Дубко с директором МТС Кантауровым об использовании старых тракторов, малоинтересным разговорам Грани и Олюши, обстоятельному, в иных случаях затянувшемуся сценическому рассказу об Евфросинье.

В обновленной редакции пьесы материал роли расширен и увеличен. Но тут непо-

нятны безразличие и незаинтересованность режиссера, который вместо того, чтобы использовать представившуюся ему возможность более полного раскрытия духовного мира героини, отказался не только от этих вновь написанных страниц, но не ввел в спектакль и ранее существовавший в пьесе рассказ Авдотьи о поездке на Солоное озеро.

А ведь из этого не вошедшего в спектакль рассказа Авдотьи родилось и название пьесы — «Высокая волна». Как волна: озеро, в котором купалась в детстве Дуна, не дадут утонуть человеку, так и коллектив советских людей во-время поддержит, подхватит того, кому нужна помощь. Без воспоминаний о «неутопных» водах озера название спектакля кажется непонятным. Непонятно, точнее, неоправдано оно и потому, что коллектив людей, окружающих Бортникова, — «высокая волна», поднимающая его в трудную минуту, — нарядкостью небудительно и неверно показан в спектакле.

Это произошло по вине авторов, обрисовавших уже очень беглыми и общими чертами образы представителей колхозной молодежи (Павла, Олюши, Грани, секретаря комитета комсомола Сережи). Это произошло и потому, что массовые сцены решены режиссером неинтересно, безразлично, достаточно сказать, что ни одно эпизодическое лицо не запоминается, ни за одним из бессловесных героев не следишь.

Думается, что разработке темы коллектива, ее образному воплощению значительно помогло бы включение в спектакль остро-конфликтной сцены «На лесосеке», появившейся в обновленном варианте пьесы. Эта сцена обогатила бы и внешний облик спектакля, дав возможность художнику Д. Попову показать дремучую красоту угренских лесов.

«Высокая волна» на сцене Театра им. Пушкина — пример подлинно творческого претворения в сценические образы образов литературных. Об этом свидетельствуют прежде всего большие достижения мастеров театра, завоеванные ими в серьезной и вдумчивой работе над современной темой. Не обошлось, как мы видим, и без потерь, и очень жаль, что они коснулись материала роли Авдотьи Бортниковой, коснулись темы коллектива, столь важной для идейного звучания спектакля. Хотелось верить, что театр не пожалеет времени и продолжит работу над этим принципиальным для его творческого пути спектаклем.

О. ДЗЮБИНСКАЯ.
 Спец. корр. «Советского искусства».
 ЛЕНИНГРАД.